

Θаддей Розеславовичъ Рыльскій.

(Некрологъ).

Скончавшійся 25 сѣнтября 1902 г. Θ. Р. Рыльскій представлялъ въ высшей стѣпени оригинальный и интересный типъ общественнаго дѣятеля, созданный исключительными условіями жизни правобережной Украины. Рожденный и воспитанный въ польской шляхетской семьѣ, онъ, еще въ молодости, подъ вліяніемъ горячей, сознательной любви къ родинѣ и ея коренному населенію, открыто и рѣшительно отрекся отъ всѣхъ идеаловъ и традицій своей среды, призналъ себя сыномъ Украины и сторонникомъ демократическихъ принциповъ и до конца жизни остался непоколебимо вѣрнымъ завѣтамъ своей юности. Такіе глубоко искренніе, идеально честные народники впервые появились въ нашемъ краѣ въ благодатную эпоху 1860-хъ годовъ, когда демократическія идеи имѣли такую неотразимую силу и обаяніе, что для многихъ онѣ служили стимуломъ полнаго нравственнаго перерожденія, влекшаго за собою рѣшительное отреченіе отъ самыхъ дорогихъ челоуѣку вѣрованій и привязанностей. Поэтому біографіи подобныхъ благородныхъ идеалистовъ могутъ представлять интересъ не только сами по себѣ, но и какъ живая иллюстрація къ исторіи общественнаго настроенія въ освободительную эпоху.

Ө. Р. Рыльскій родился 21 декабря 1840 года въ с. Ставищахъ, сквирскаго у., кievской губ., и былъ сыномъ богатаго польскаго пана, владѣльца м. Романовки (того же у.), женатаго на княжнѣ Трубецкой. Родъ Рыльскихъ старинный на Украинѣ; одинъ изъ членовъ этой фамилии былъ кievскимъ городскимъ писаремъ во 2-й четверти XVII ст. Родной прадѣдь Ө. Р.—ча. Ро-муальдь, учился въ уманской базилианской школѣ какъ-разъ въ

то время, когда Умань (въ 1768 г.) была взята гайдаками. Ему удалось уйти изъ обреченнаго на гибель города, постоянно наталкиваться на суровыя проявленія народнаго ожесточенія противъ поляковъ и, въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ другими единоплеменниками, подпасть грозной народноу расправѣ. Привязанный къ столбу для разстрѣлянія, 14-лѣтній мальчикъ, по какому-то наитію, началъ громко пѣть любимую народомъ псалму: «Пречы-

стая Диво, Маты руського краю», которую онъ изучилъ у базилянъ. При звукахъ этой пѣсни суровый атаманъ гайдамацкій пролилъ слезы и далъ помилованіе не только пѣвцу, но и остальной обреченной на казнь шляхтѣ и евреямъ. Подлинный разсказъ объ этомъ эпизодѣ, записанный изъ устъ потерпѣвшаго, былъ сообщенъ Ө. Р.—чемъ въ нашемъ журналѣ въ сопровожденіи имъ же сдѣланныхъ глубокихъ замѣчаній относительно уроковъ прошлаго «для уразумѣнія современности и нѣкотораго предвидѣнія будущаго 1).

Учился Ө. Р. Рыльскій во 2-ой кievской гимназіи и затѣмъ въ университетѣ св. Владиміра, на историко-филологическомъ факультетѣ; окончилъ курсъ въ 1862 году. Въ то время въ кievскомъ университетѣ существовали студенческія корпораціи, главнымъ образомъ среди польской молодежи, которая преимущественно наполняла тогда университетъ. Молодой Рыльскій пользовался такою огромною популярностью среди своихъ единоплеменниковъ, что уже на первомъ курсѣ, въ 1859 г., состоялъ президентомъ кievской гміны. Но въ слѣдующемъ году онъ уже числился членомъ украинской «громады», состоявшей изъ студентовъ-малороссовъ, съ незначительнымъ участіемъ мѣстныхъ поляковъ. Въ это именно время въ богато одаренномъ умственными и нравственными силами юношѣ совершился внутренній переломъ, навсегда опредѣлившій его міровоззрѣніе и всю послѣдующую дѣятельность. Какіе чувства и принципы вызвали въ немъ это духовное перерожденіе—объ этомъ можно судить по его собственнымъ словамъ, высказаннымъ въ корреспонденціи, помѣщенной въ «Основѣ», 1861 г. Передавая здѣсь вѣсти съ праваго берега Днѣпра, Рыльскій такъ писалъ: «Народъ праваго берега лишенъ былъ всякаго общенія съ общечеловѣческой духовною жизнью посредствомъ образованныхъ своихъ представителей, говорившихъ и писавшихъ на польскомъ языкѣ, и не имѣлъ возможности самъ вполнѣ высказаться. Только въ наше время нашлись люди, которые братски обратились къ народу, изучили его языкъ и

1) „Кiev. Ст.“ 1887 г., № 1.

заговорили для него понятно, но почти всё они родились на лѣвомъ берегу Днѣпра, а на правомъ до сихъ поръ еще никто не подалъ имъ дѣятельной помощи на избранномъ ими пути... Теперь обстоятельства перемѣнились. Образованное общество праваго берега раздѣлилось на двѣ половины, которыя повсюду ведутъ между собою горячую полемику. Младшее поколѣніе, чувствуя и сознавая все больше и больше необходимость гуманнаго единенія со всею народною массою, начало всматриваться въ прошедшую и настоящую жизнь народа, и находя въ немъ жизненную, самобытную силу, проникается все сильнѣйшимъ къ нему сочувствіемъ и перестаетъ считать себя чуждымъ народу, земля котораго ихъ вскормила, пѣсня котораго пробудила въ нихъ первыя сердечныя думы, съ которыми, наконецъ, они должны сойтись въ послѣдующей общественной жизни. Это молодое поколѣніе поставило себѣ задачей—содѣйствовать всѣми честными способами нравственному и вещественному развитію народа, и съ каждымъ днемъ замѣчается больше и больше проявленій такого благороднаго сознанія. За то большая часть стараго поколѣнія, привыкнувъ смотрѣть на все съ своей рутинной точки зрѣнія, испугалась этихъ простыхъ, естественныхъ мыслей. Защиту народа и новыхъ, убѣжденныхъ рутинисты признають сущимъ оскорбленіемъ авторитета стараго поколѣнія, возстаніемъ дѣтей противъ отцовъ; въ любви къ народу они увидѣли что-то страшное, чувства челоуѣколюбія и справедливости начали оскорблять названіемъ вредоносной пропаганды, думая своими криками испугать всѣхъ. Но молодое поколѣніе все-таки высказывается, не опасаясь лицемѣрныхъ и безсознательныхъ криковъ. Оно прежде всего желаетъ труда на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній; оно желаетъ мира, братской любви и счастья; а закоренѣлые рутинисты толкуютъ свое и думаютъ крикомъ превозмочь требованія истины и времени. Ограниченность взгляда и не совсѣмъ чистая совѣсть—вотъ причины подобныхъ восклицаній. Мы спокойно смотримъ на всѣ ухищренія рутинистовъ, вполне убѣжденные, что «правда выяснится» и пристыженные противники, раньше или позже, уступятъ предъ священными ея правами».

Это было напечатано въ февралѣ 1861 г. подъ псевдонимомъ «Максимъ Чорный». А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ той же «Основѣ» (кн. XI—XII, 1861 г.) О. Р. Рыльскій, уже подъ своимъ именемъ, помѣстилъ статью: «Нѣсколько словъ о дворянахъ праваго берега Днѣпра», въ которой защищалъ такое положеніе: «Большая часть украинскихъ дворянъ праваго берега Днѣпра не что иное, какъ ополячившіеся украинцы. Это положеніе важно въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что упреки людямъ, вышедшимъ изъ этого сословія, но считающимъ себя украинцами, упреки въ національномъ отступничествѣ, похожи на то, какъ еслибы онѣмечившіеся чешскіе аристократы стали упрекать чеховъ, обращающихся къ своей родной славянской національности». Представивъ затѣмъ мѣстную характеристику различныхъ группъ тогдашней польско-украинской шляхты: чванныхъ и невѣжественныхъ *мошродзѣвѣв*, фантастовъ *крылатыхъ*, носившихся съ идеей шляхетства и католицизма, просвѣщенныхъ либераловъ, «примѣрно угнетающихъ крестьянъ (конечно, по какому-нибудь высшему соображенію)», и др., авторъ въ заключеніе упоминаетъ и о той немногочисленной группѣ, «которая слыветъ подъ именемъ *холомановъ* и окончательно расходится со всѣми предыдущими. Эти люди, вышедши изъ среды украинской ополяченной шляхты и изучая мѣстную прошедшую жизнь и современныя ея потребности, пришли къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ украинскимъ населеніемъ и считаютъ интересы его самыми близкими своими интересами. Предмета для своей общественной дѣятельности они ищутъ въ просвѣщеніи народа на его собственныхъ началахъ, въ развитіи его общественной жизни, дѣйствуя при томъ самымъ спокойнымъ и систематическимъ образомъ. На нихъ нападаютъ всѣ предыдущія группы, называя ихъ взгляды и ихъ дѣятельность національнымъ отступничествомъ; но они на это отвѣчаютъ, что это только «обращеніе», что желающій быть дѣйствительно полезнымъ какому-нибудь обществу не можетъ оставаться въ роли колониста, дѣйствующаго на пользу метрополіи, что ихъ образъ дѣйствій согласенъ съ мѣстными простонарод-

ными интересами, которые они принимаютъ за точку отправленія во всѣхъ своихъ взглядахъ».

Эти воззрѣнія и мысли совершенно совпадаютъ съ тѣми, какія съ болѣею еще опредѣленностью и горячимъ увлеченіемъ были выражены близкимъ товарищемъ и единомышленникомъ Рыльского, В. Б. Антоновичемъ въ его извѣстной «Исповѣди» помѣщенной въ январской кн. «Основы» 1862 г., въ отвѣтъ на инсинуаціи польскаго публициста Падалицы. Все то, что г. Антоновичъ говоритъ здѣсь лично о себѣ, въ одинаковой мѣрѣ примѣнимо и къ Ѳ. Р. Рыльскому. А тамъ есть одно мѣсто, чрезвычайно живо рисующее намъ душевную борьбу, какую должны были пережить эти благородные идеалисты, прежде нежели рѣшиться на трудный подвигъ добровольнаго отреченія отъ всего, съ чѣмъ они сроднились съ дѣтства и что было имъ привито воспитаніемъ и жизнью въ польской шляхетской средѣ, и какія геройскія усилія они употребляли къ тому, чтобы направить на честный и единственно истинный путь своихъ единоплеменниковъ: «Вамъ хорошо извѣстно г. Падалица,—писалъ В. Б. Антоновичъ,—что, прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія. Вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южнорусскимъ, а не польскимъ, того, что южнорусское, а не польское; вы были вѣдь свидѣтелемъ, какъ подобныя убѣжденія возбудили вначалѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань и, наконецъ, ложные доносы и намеки о коливщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество. Я выбралъ второе»...

Но этотъ рѣшительный шагъ подвергалъ народолюбцевъ тяжкимъ и опаснымъ преслѣдованіямъ. Въ настоящее время трудно представить ту степень злобы и ожесточенія, съ какою могутъ общественная тогда шляхта обрушивалась на людей, открыто зая-

влявшихъ о своихъ симпатіяхъ къ украинскому народу. Чтобы понять эту слѣпую злобу, надо вспомнить, что дѣйствіе происходило наканунѣ мятежа 1863 г., когда дворянство Югозападнаго края почти поголовно состояло въ тайномъ заговорѣ, мечтая и усиливаясь всячески втянуть въ инсурецію и мѣстное малорусское населеніе. А украинофилы какъ-разъ хлопотали о другомъ: какъ бы пробудить въ этомъ народѣ его національное самосознаніе и освѣтить въ его памяти прошлую исторію Украины съ ея вѣковой борьбой противъ польскихъ насилій. Понятно, какъ это должно было раздражать шляхту, принимавшую всѣ мѣры къ тому, чтобы заглушить въ народѣ самое воспоминаніе о козачествѣ и гайдамачинѣ. И вотъ, чтобы, съ одной стороны, зажать рты своимъ противникамъ, а съ другой—отвлечь вниманіе властей отъ собственной «справы», шляхта и магнатство систематически начали запугивать правительство вымышленными толками и донесеніями о мнимыхъ бунтахъ и заговорахъ и натравлять его то на народъ, якобы мечтающій о повтореніи коліивщины, то на «хлопомановъ». Стоитъ вспомнить хотя бы нелѣпую тревогу, возбужденную кіевскими дворянами по поводу погребенія Шевченка близъ Канева¹⁾, малорусскихъ букварей и проч. Съ особеннымъ ожесточеніемъ польская шляхта преслѣдовала хлопомановъ, вышедшихъ изъ ея собственной среды: ихъ открыто, по именамъ, злословили въ польскихъ газетахъ, распускали о нихъ невѣроятныя клеветы, будто они затѣваютъ новую коліивщину, подучаютъ хлоповъ рѣзать пановъ и т. под., и тѣ же безстыдныя выдумки воспроизводились въ тайныхъ доносахъ. Лично для Рыльского эти инсинуаціи имѣли послѣдствіемъ привлеченіе его къ административному суду, на которомъ состоялось было рѣшеніе выслать его въ Казань, и лишь заступничество предсѣдателя слѣдственной комиссіи Андриевского спасло его отъ незаслуженной кары.

Въ то же самое время Рыльскому приходилось и въ собственной семьѣ испытывать ежедневныя огорченія и непріятности

¹⁾ См. въ «Кіев. Стар.» (апрѣль, 1886 г.) ст. «Тревога надъ свѣжей могилой Т. Г. Шевченка».

изъ-за своихъ убѣжденій. Отець его, самъ до мозга костей пропитанный шляхетскими тенденціями, и слышать не хотѣлъ о хлопскихъ идеяхъ и чувствахъ сына и требовалъ, чтобы онъ оставилъ кіевскій университетъ и перешелъ въ другой. Послѣ долгихъ споровъ и пререканій, молодой Рыльскій согласился перейти въ петербургскій университетъ; но пріятели отца во время его надоумили, что тамъ его сынъ попадетъ вліянію тѣхъ же «хлопомановъ» — издателей «Основы», и затѣя удалить его изъ Кіева была оставлена.

Въ бытность въ университетѣ Рыльского болѣе всего интересовали политическая экономія, которую читалъ тогда проф. Бунге, и соціально-культурная исторія народовъ — науки, которыми онъ не переставалъ заниматься въ теченіе всей послѣдующей жизни. Сверхъ того, онъ съ жаромъ съ отдавался охватившему въ то время лучшую университетскую молодежь народно-просвѣтительному движенію и лично преподавалъ въ устроенныхъ студентами школахъ. А въ каникулярное время не было для него лучшаго отдыха и удовольствія, какъ путешествіе по родному краю съ цѣлью изученія народнаго быта, мѣстныхъ достопримѣчательностей и т. под. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ, въ компаніи съ своимъ товарищемъ В. Б. Антоновичемъ, большею частью пѣшкомъ, съ котомкою за плечами, обошелъ кіевскую, волянскую, подольскую и значительную часть хорсонской и екатеринославской губерній. Вотъ первоначальный источникъ того глубокаго и всесторонняго знанія народной жизни, какое *Э. Р-чъ* неизмѣнно проявлялъ въ своихъ литературныхъ трудахъ и въ устныхъ бесѣдахъ.

Послѣ инсурекиіи 1863 г. состояніе отца *Э. Р-ча*, до того времени считавшагося однимъ изъ богатыхъ помѣщиковъ, настолько пошатнулось, что ему не оставалось иного выхода, какъ передать имѣніе дѣтямъ. На долю *Э. Р-ча* досталась третья часть Романовскаго имѣнія, но съ переводомъ на него же всѣхъ отцовскихъ долговъ. Положеніе молодого помѣщика оказалось крайне затруднительнымъ; требовалось особенное умѣніе вести хозяйство такъ, чтобы спасти имѣніе отъ продажи съ молотка. Въ это же время происходила въ Югозападномъ краѣ повѣрка устав-

ных грамотъ. Въ Романовскомъ имѣніи она была сдѣлана съ такими выгодами для крестьянъ, что возбудила открытое негодованіе сосѣднихъ помѣщиковъ, а одинъ изъ посессоровъ послалъ даже доносъ на молодого Рыльского и мѣстнаго посредника (его университетскаго товарища В. М. Юз—ча), стараясь выставить ихъ явными коммунистами.

Съ тѣхъ поръ началась для Ө. Р. Рыльского скромная помѣщичья жизнь, небогатая внѣшними фактами, но въ высшей степени благотворная для окрестнаго трудового населенія. Главнымъ его занятіемъ было хозяйство, которое онъ изучилъ теоретически и практически и старался вести такимъ образомъ, чтобы оно служило примѣромъ и практической школой для крестьянъ. Благодаря полному довѣрію къ нему окрестнаго населенія, ему удалось достигнуть весьма многого въ смыслѣ усвоенія крестьянами рациональныхъ приемовъ земледѣлія и вообще улучшенія ихъ хозяйственной культуры. Другимъ столь же важнымъ предметомъ его трудовъ и попеченій служила имъ же устроенная въ Романовкѣ церковно-приходская школа. Въ теченіе почти 20-ти лѣтъ Ө. Р.—чѣ лично въ ней учительствовалъ совмѣстно съ приходскимъ священникомъ и до конца жизни оставался ея попечителемъ, за что получилъ отъ покойнаго кіевскаго митрополита Платона официально выраженную благодарность и благословеніе. Почти все нынѣшнее населеніе Романовки успѣло пройти курсъ ученія въ этой школѣ, и въ этомъ отчасти кроется источникъ безпримѣрной популярности Ө. Р.—ча среди мѣстнаго населенія. Сердечныя попеченія помѣщика-католика о преуспѣяніи *православной* сельской школы болѣе всего, видимо, смущали окрестную польскую шляхту, и въ 1880-хъ годахъ, по ея доносамъ, возникло было слѣдственное дѣло по обвиненію Рыльского въ неблагонамѣренномъ образѣ мыслей и дѣйствій, при чемъ обвинители ставили ему въ вину слѣдующіе поступки: а) какъ помѣщикъ и дворянинъ, онъ слишкомъ хорошо живетъ съ крестьянами; б) женился на крестьянкѣ; в) будучи католикомъ, усердно поддерживаетъ церковно-приходскую православную школу, и г) выдалъ крестьянамъ изъ своего фамильнаго архива доку-

менты, нужны имъ для подкрѣпленія своихъ исковъ въ тяжбѣ съ помѣщиками за земли. Конечно, высшая администрація, узнавъ истинное положеніе дѣла, не дала хода нелѣпой ябедѣ.

А что Рыльскій «слишкомъ хорошо жилъ съ крестьянами» — это была чистѣйшая истина. Съ юности (по его выраженію) «прійдя къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ украинскимъ населеніемъ и считая интересы его самыми близкими своимъ интересамъ», онъ всей своей жизнью и дѣятельностью явилъ идеальный образецъ истиннаго народолюбца. Въ теченіе 40-лѣтняго хозяйничанья у него не было ни одной тяжбы или ссоры ни съ однимъ изъ односельцевъ или сосѣдей-крестьянъ. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ идеи духовнаго сближенія крестьянскаго населенія и интеллигенціи на почвѣ общаго практическаго дѣла, но не въ положеніи благодѣтельствуемаго и благодѣтеля, а въ положеніи двухъ совершенно равноправныхъ общественныхъ элементовъ, стремящихся къ одной и той же цѣли — общему благополучію. Когда часть Романовскаго имѣнія, принадлежавшая его сестрѣ, была назначена въ продажу, Рыльскій убѣдилъ крестьянъ купить ее при содѣйствіи крестьянскаго банка и самъ велъ хлопоты по этой покупкѣ. Но его демократическія симпатіи были чужды характера исключительности: какъ въ юности онъ писалъ, что люди его направленія «желаютъ трудиться на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній, желаютъ мира, братской любви и счастья», такъ и поступалъ онъ въ теченіе всей жизни. Не одни мѣстные крестьяне, но и мелкая шляхта и даже бѣдный классъ евреевъ — всѣ неизмѣнно находили у Ѳ. Р.—ча братское сочувствіе, полезный совѣтъ и сильную помощь. Не чуждался онъ и общенія съ помѣщиками, если только находилъ въ ихъ воззрѣніяхъ и поступкахъ какое-нибудь соотвѣтствіе съ своими демократическими принципами; но всякаго рода шляхетскія тенденціи, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ — теоріи «властной опеки» надъ народомъ, всегда были ему ненавистны, отсюда и злоба къ нему со стороны нѣкоторыхъ, доходившая до грязныхъ инсинуацій. За то популярность Рыльского среди мѣстнаго трудового населенія была чрезвычайная:

не только крестьяне, шляхта, евреи Романовки, но и жители окрестных мѣстъ шли къ нему за совѣтомъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—и сколько ненужныхъ тяжбъ, семейныхъ неурядицъ было предупреждено или устранено однимъ его авторитетнымъ словомъ!

Такова была скромная, но весьма плодотворная общественная дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка, обрисованная здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Мы надѣемся, что лица, ближе знавшія его, не откажутся ярче и выпуклѣе нарисовать его глубоко симпатичный образъ. Намъ же остается упомянуть здѣсь о литературно-научныхъ трудахъ покойнаго, поскольку они намъ извѣстны.

О первыхъ литературныхъ опытахъ О. Р. Рыльского мы уже упоминали: это были корреспонденціи изъ правобережной Украины, помѣщенные въ «Основѣ» 1861 г., въ февральской кн. (подъ псевдонимомъ: Максимъ Чорный) и въ ноябрьской-декабрьской; ихъ предметъ—характеристика тогдашней украинской шляхты и защита возникшаго среди ея молодого поколѣнія народно-украинскаго направленія. Третья корреспонденція («Основа», февраль 1862 г.) всецѣло посвящена экономическимъ выкладкамъ, наглядно доказывающимъ крайнюю недостаточность крестьянскихъ надѣловъ въ кievскомъ уѣздѣ по уставнымъ грамотамъ 1861 г., впоследствии, какъ извѣстно, измѣненнымъ въ пользу крестьянъ.

Въ нашемъ журналѣ О. Р. Рыльскій помѣстилъ двѣ статьи: 1) «Разсказъ современника о приключеніяхъ съ нимъ во время Коливщины» (январь, 1887 г.) и «Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія» (1888 г. № 11 и 1890 г. №№ 9, 10 и 11). Послѣдній, весьма обширный трактатъ ярко свидѣтельствуетъ о тонкой наблюдательности автора и глубокомъ изученіи народнаго быта.

Въ послѣдніе годы своей жизни О. Р. Рыльскій предпринялъ капитальное политико-экономическое изслѣдованіе, начальныя главы котораго были напечатаны въ «Запискахъ науковаго Товариства імени Шевченка» (томы I—II) подъ заглавіемъ:

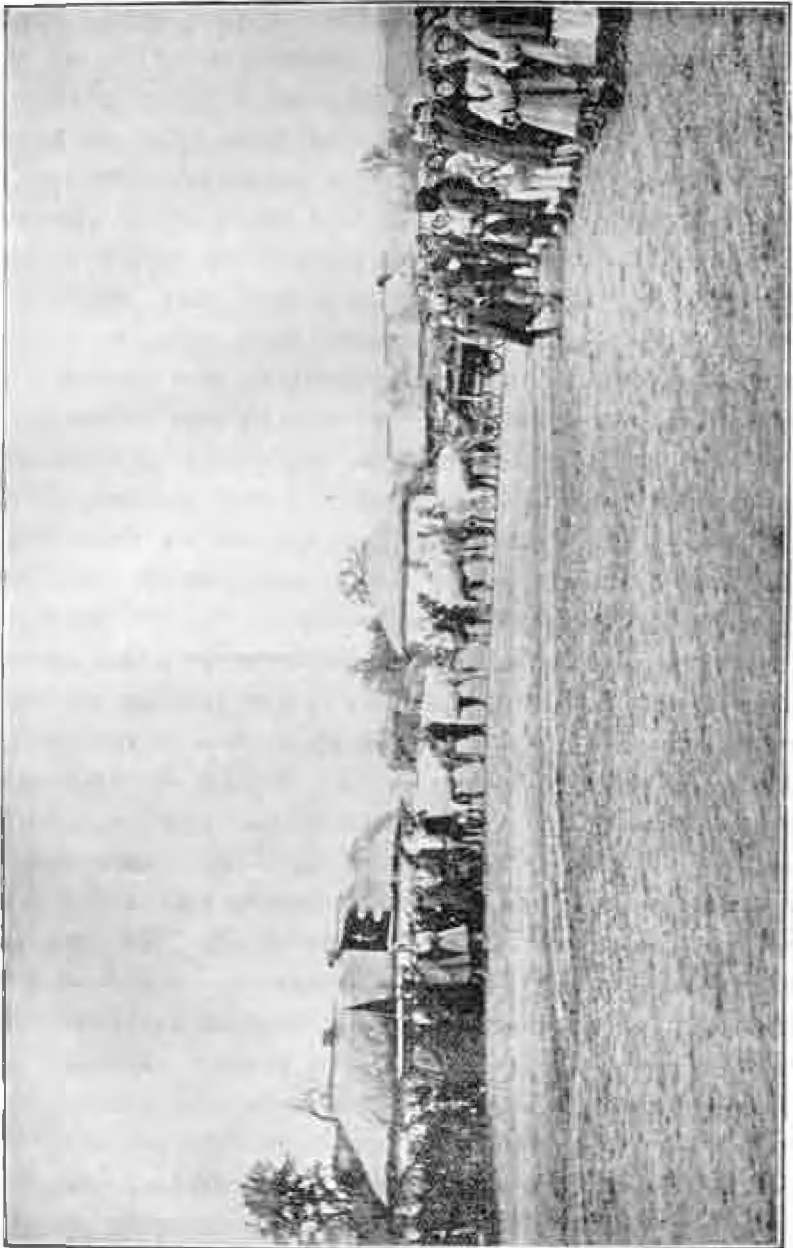
«Студіи надъ основами розкладу богатства». Не извѣстно, успѣлъ ли онъ довести до конца этотъ обширный трудъ, но мы достоверно знаемъ, что еще прошлую зимою, проживая въ Крыму, покойный съ увлеченіемъ работалъ надъ этой темой.

Кажется, что въ 1870-хъ годахъ Рыльскій помѣщалъ свои статьи въ галицко-украинскихъ журналахъ народническаго направленія, но, не имѣя подъ руками этихъ журналовъ, не можемъ утверждать этого. Что же касается польской журналистики, то вообще можно сказать, что Рыльскій не принималъ въ ней участія по принципиальному несогласію съ господствовавшимъ въ ней духомъ и направленіемъ. Единственнымъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ была издававшаяся въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ демократическая газета *Głos*, въ которой Рыльскій изрѣдка помѣщалъ статьи по малорусской этнографіи и народному быту.

Въ заключеніе прилагаемъ описаніе похоронъ *Ө. Р. Рыльскаго*, доставленное въ редакцію однимъ изъ мѣстныхъ жителей—очевидцемъ.

«28 сентября происходили похороны *Өаддея Розеславовича Рыльскаго* въ селѣ Романовкѣ (сквирск. у.). Могила, согласно высказанному имъ при жизни желанію, была вырыта на крестьянскомъ кладбищѣ. Онъ и послѣ смерти желалъ покоиться среди тѣхъ, на пользу чью трудился въ продолженіе всей жизни. Крестьяне это сознавали и цѣнили, какъ это видно изъ того, что, узнавъ о его смерти, они собрали сходъ и сами напомнили его роднымъ объ этомъ желаніи, когда-то выраженномъ покойнымъ на одномъ изъ сходовъ. Похороны были совершены съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, требуемыхъ народнымъ ритуаломъ. «*Це нашъ панъ*»,—говорили крестьяне: «мы ёго по нашему обычаю и поховаемо!» Тѣло умершаго было покрыто красною китайкою; гробъ при выносѣ былъ три раза опущенъ на порогъ; за гробомъ, который наперерывъ старались нести интеллигентные и неинтеллигентные товарищи и ученики покойнаго, четыре пары воловъ

везли на возу крышку гроба, всю покрытую вѣнками. — Ко времени выноса его тѣла собралась такая масса народа, что имъ былъ запруженъ огромный дворъ. Толпа шла за гробомъ съ рыданіями.

Погребеніе. Киевъ. 1905.

Сознаніе невозвратимой утраты и рыданія еще болѣе усилились, когда, подходя къ церкви, всѣ воли вдругъ заревѣли разомъ протяжно и глухо три раза, какъ будто и они чувствовали горе и понимали, что провожаютъ хозяина своего въ мѣсто, откуда нѣтъ возврата. Когда же возлѣ могилы надъ гробомъ начали произносить рѣчи и упоминали о его добрыхъ дѣлахъ, то вся масса, какъ одинъ человѣкъ, заплакала навзрыдъ въ буквальный смыслъ этого слова, такъ что нельзя было разобрать словъ ораторовъ.— Только и было слышно въ толпѣ: «Ой, допомагавъ, допомагавъ!».— «Никóлы уже на всѣму свити не буде такого пана!»—Крестьяне, отдавая ему послѣднее цѣлованіе, произносили краткія, но крайне трогательныя слова: «Покидаете насъ, пане нашъ, хазяине нашъ, батьку нашъ!»—«Выбачаіе, паночку, може колы не послухавъ васъ».—«Прощавайте паночку! штырнадцять лить служывъ я вамъ: не росчиталы мене, навить «ты» на мене ни разу не сказали».— Эти слова лучше всего характеризуютъ чудную личность покойнаго, его удивительную деликатность и даже нѣжность въ обращеніи со всякимъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ. Вѣрный сынъ шестидесятихъ годовъ, онъ до конца жизни оставался горячо преданнымъ завѣтамъ своей юности. Вся его жизнь была удивительна гармоничнымъ сочетаніемъ идеаловъ и поступковъ; ни старость, ни болѣзнь не были въ силахъ ослабить его горячей любви къ родинѣ и ея люду. Свободная пѣсня жизнерадостныхъ дивчатъ, работавшихъ у него на току, служила ему единственной отрадой, облегчавшей его страданія въ послѣдніе дни, и онъ просилъ открывать окно, чтобы пѣсня была ему лучше слышна, и говорилъ при этомъ, что онъ ничего такъ не любитъ, какъ пѣсню свободного, веселаго, жизнерадостнаго народа.—Всѣ окружашіе могилу были проникнуты однимъ общимъ чувствомъ,—чувствомъ горестной, невозвратной утраты. Не было ни малѣйшаго диссонанса въ настроеніи всей массы: люди разныхъ вѣрованій,—православные, католики и евреи,—разныхъ сословій, классовъ прилагали стараніе о томъ, чтобы исполнены были всѣ подробности обряда по народному обычаю, которымъ покойный такъ восхищался при жизни.—Они желали этой заботливостью отдать по-

слѣдній долгъ чудной личности незабвеннаго покойника.—Можно надѣяться, что всѣ, такъ искренно оплакивавшіе его кончину, будутъ помнить то, чему онъ училъ ихъ и словомъ, и примѣромъ. Его скромная труженическая жизнь была для всѣхъ живымъ примѣромъ, какъ надо любить Украину и всѣхъ ея сыновъ, безъ различія вѣръ, званій и состояній, и какъ путемъ дружной, совмѣстной работы, озаренной знаніемъ и согрѣтой братскимъ сочувствіемъ и любовью, должно стремиться къ процвѣтанію роднаго края и всеобщему благополучію. Пусть же всякій, кто такъ или иначе можетъ считать себя его ученикомъ, постарается проводить въ жизнь его завѣты, и пусть его благородный образъ навѣки живетъ въ памяти мѣстнаго населенія, какъ живое олицетвореніе высшихъ гражданскихъ добродѣтелей».

О. Л.

